

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-6.5>

Иконников Сергей Анатольевич

УЧРЕЖДЕНИЕ ЭМЕРИТАЛЬНЫХ КАСС В ЕПАРХИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

В статье рассматривается история создания эмеритальных касс для духовенства Центрального Черноземья второй половины XIX века. На основе опубликованных источников и архивных материалов исследуются причины возникновения противоречий среди священно- и церковнослужителей по вопросам открытия и организации эмеритур и анализируются основные подходы, предлагаемые клириками к разрешению споров. Автор приходит к выводу о том, что духовенство затягивало с созданием собственных источников вспомоществования по причине отсутствия достаточных средств и опыта в осуществлении финансовых операций.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/6/5.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 6(92) С. 22-26. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

3. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1705. Оп. 9.
4. ГАВО. Ф. 1705. Оп. 25.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-310. Оп. 1.
6. ГАРФ. Ф. А-616. Оп. 3.
7. Изюмова Л. В. Трудовые ресурсы колхозов Европейского Севера России в 1930-1960-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (66). Ч. 2. С. 50-54.
8. История колхозного права: сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917-1958: в 2-х т. М.: Госюриздат, 1959. Т. 1. 518 с.
9. История колхозного права: сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917-1958: в 2-х т. М.: Госюриздат, 1959. Т. 2. 539 с.
10. История социалистической экономики СССР: в 7-ми т. / отв. ред. И. А. Гладков. М.: Наука, 1978. Т. 5. 566 с.
11. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1971: в 16-ти т. / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. М.: Политиздат, 1986. Т. 9. 574 с.
12. Науханский В. В. Модернизация сельского хозяйства и российская деревня. 1965-2000 гг. Ростов-на-Дону: РГЭУ «РИНХ», 2003. 199 с.
13. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов: в 16-ти т. / под общ. ред. К. М. Боголюбова, М. С. Смиртюкова. М.: Политиздат, 1970. Т. 7. 686 с.
14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 7.
15. Симуш П. И. Социальный портрет советского крестьянства. М.: Политиздат, 1976. 319 с.

**PAYMENT FOR LABOUR IN COLLECTIVE FARMS
OF NORTHERN EUROPEAN RUSSIA IN THE 1930-1960S**

Izyumova Larisa Vladimirovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Vologda State University
ilvvologda05@rambler.ru

The article analyzes the basic changes in the system of payment for labour in the collective farms of Northern European Russia in the 1930-1960s. The source basis of the research includes legislative acts, documentation of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation and regional agrarian bodies, collective farms' annual reports. It is shown that the system of payment for labour gradually evolved from equating distribution to the payment depending on profession and qualification of a collective farm member, from non-guaranteed payment for labour to the guaranteed monthly income of a collective farm member.

Key words and phrases: collective farm; collective farm production; collective farm peasantry; workday; payment for labour; remuneration.

УДК 94(470.3)“18/19+271.22-058.1”

Дата поступления рукописи: 04.05.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-6.5>

В статье рассматривается история создания эмеритальных касс для духовенства Центрального Черноземья второй половины XIX века. На основе опубликованных источников и архивных материалов исследуются причины возникновения противоречий среди священно- и церковнослужителей по вопросам открытия и организации эмеритур и анализируются основные подходы, предлагаемые клириками к разрешению споров. Автор приходит к выводу о том, что духовенство затягивало с созданием собственных источников вспомоществования по причине отсутствия достаточных средств и опыта в осуществлении финансовых операций.

Ключевые слова и фразы: Православная церковь; Российская империя; Центральное Черноземье; приходское духовенство; материальное положение духовенства; пенсионное обеспечение.

Иконников Сергей Анатольевич, к.и.н.

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I
ikonnikovsergey88@mail.ru

**УЧРЕЖДЕНИЕ ЭМЕРИТАЛЬНЫХ КАСС В ЕПАРХИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: К ИСТОРИИ ВОПРОСА**

Одним из ключевых вопросов в жизни Русской церкви на протяжении всего синодального периода ее истории являлось материальное положение священно- и церковнослужителей. Православные пастыри, посвящая себя религиозному окормлению прихожан, естественно, нуждались в средствах к существованию. Древние канонические правила предполагали особый источник вознаграждения для духовных лиц. В Библии имеются прямые указания на необходимость оплачивать труд клириков за их служение алтарю.

Священно- и церковнослужители играли важную роль в жизни Российской империи, активно участвуя в общественно-политической жизни страны. Народное образование, просветительская деятельность, борьба

с сектами, социальными пороками оставались предметом попечения пастырей на протяжении всего синодального периода. Часто представители Церкви были единственно образованными людьми среди безграмотного крестьянства, что позволяло правительству использовать их в качестве проводника официальной государственной идеологии.

От социального и материального положения священнослужителей в конечном счете зависело очень многое, особенно в российской глубинке. По воспоминаниям протопресвитера Георгия Шавельского, храм в дореволюционной России являлся по сути единственным духовным, культурным и образовательным центром в жизни крестьян. Последнему главе военного и морского духовенства нередко приходилось видеть картину, когда мать по причине своей неграмотности вынуждена была идти за 30 верст в ближайшую церковь, чтобы просить местного псаломщика написать письмо служившему в армии сыну (ведь нередко на волость с населением 10 тыс. человек приходилась лишь одна школа на 30-40 детей) [23].

В современной историографии имеются исследования, посвященные социальной характеристике духовного сословия в пореформенный период. В работах в той или иной степени затрагиваются вопросы благосостояния причтов. Немалый интерес представляют исследования Т. Г. Леонтьевой [8], А. И. Конюченко [5], М. И. Лавицкой [7], Ю. И. Белоноговой [1], А. В. Кульчицкого, А. Н. Курцева [6], А. В. Шадринной [24], А. В. Мангилевой [9]. Однако в целом вопросы материального положения и пенсионного обеспечения приходского духовенства недостаточно изучены.

Между тем во второй половине XIX века государство старалось уделять вопросам финансового обеспечения клириков значительное внимание. В ходе преобразований императора Александра II было создано Присутствие по делам православного духовенства, в задачу которого вошел сбор информации о состоянии быта духовного сословия и необходимых в нем изменений. Проведенный в 1863 г. опрос показал, что подавляющее большинство священно- и церковнослужителей испытывали крайнее недовольство своим положением. Требоисполнение – основной источник материального обеспечения причтов – не приносил желаемых доходов. К тому же он был сопряжен с целым рядом трудностей. Собранные Присутствием данные показывают, что средний доход одного причта за требоисполнение в Воронежской епархии составлял 388 руб. 59 коп. в год, в Курской – 333 руб. 57 коп., в Орловской – 396 руб. 5 коп., в Тамбовской – 294 руб. 81 коп. [12, с. 9]. Подобные цифры, естественно, не устраивали православных клириков. Но даже эти скудные доходы часто приходилось добывать, выпрашивая плату у прихожан. Архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов) в епархиальном отчете за 1913 г. отмечал: «Доброхотные даяния прихожан количественно значительно сократились, так как в сознании народа неизменно сохраняется мысль, что духовенство все же хорошо обеспечивается и получает довольно солидную доходность. И никто не желает считаться с тем, что духовенство и в силу своего положения и силой требований и запросов времени поставлено в неизбежную необходимость делать громадные затраты как на свое содержание, так и на содержание своих семейств» [17, д. 2610, л. 53 об.].

Другой важнейший источник существования клириков – церковная земля – заставлял священнослужителей отвлекаться от исполнения прямых пастырских обязанностей. Чем больше времени духовные лица уделяли заботам о своем хозяйстве, тем меньше его оставалось на развитие народного образования, проповедническую и миссионерскую деятельность, духовное служение. Священник Тамбовской епархии Иоанн Дмитриевич Кобяков емко охарактеризовал земледелие как источник обеспечения приходских причтов: «Это доброе вовсе не к рукам, а особенно в отношении к священнику» [19, д. 395, л. 150 об.]. В рассматриваемое время земля воспринималась многими священнослужителями как источник материального обеспечения, не вполне совместимый с пастырским призванием. Клирикам, часто единственно грамотным людям в селе, приходилось значительное время уделять богослужению, просветительской деятельности. Работа на земле заставляла забывать о своем пастырском служении. Причт Покровской церкви села Грязная Потудань Новооскольского уезда Курской губернии во главе с иереем Иоанном Логгиновым в 1863 г. жаловался в Синод на трудности, возникавшие при использовании земли в качестве источника материального обеспечения: «Как вообще сельские священно- церковнослужители живут мирским подаванием за отправление треб, которое бывает так ничтожно, что даже и священник, не говоря уже о причте, не в состоянии бывает нанять для себя работника для обработки земли и нередко бывает, что сам должен пахать, косить и вообще обрабатывать оную, что лишает его возможности не только жить прилично званию его сана, но и назидать в свое время в церкви прихожан своим объяснением Слова Божия» [Там же, д. 188, л. 127 об.].

Несмотря на проблемы в материальном положении пастырей, жизнь штатного духовенства была гораздо более сносной, чем судьба клириков, уволенных за штат. По мнению епископа Орловского и Севского Поликарпа (Радкевича), именно вдовы, сироты и заштатные клирики испытывали наибольшие трудности в обеспечении себя и своих близких. «Я нахожу, что представления их о настоящем их быте не подлежат никакому сомнению, что бедность большей части из них неописана и нищета не выразима, а особенно тех, у кого многочисленно семейство, состоящее из престарелых, дряхлых, а иногда и увечных заштатных священно- и церковнослужителей, вдов и сирот, и что только одна необходимость и привычка к такому быту могла сделать его сносным для них» [18, д. 43, л. 2].

Заштатное духовенство являлось наименее защищенным в материальном отношении. Это объясняется достаточно долгим процессом складывания церковной пенсионной системы. Первые попытки учреждения пенсионного фонда для духовенства предпринимались еще в годы правления Екатерины II. 11 декабря 1791 г. императрица подписала указ, по которому ежегодно накапливавшиеся средства синодальной типографии следовало помещать в Заемный Банк для того, чтобы получаемые проценты использовались на оказание

помощи заштатным священнослужителям. Эта мера положила начало созданию пенсионного фонда для духовенства. Согласно указу, выплаты могли производиться по усмотрению Святейшего Синода заштатным клирикам соборных и приходских церквей, которые «до глубокой старости или неизлечимых ради болезней служения своего исправлять не могут» [13, с. 286]. С тех пор на протяжении почти целого столетия государство пыталось распространить пенсионную систему на все категории священнослужителей.

В январе 1879 г. пенсии священнослужителям подверглись очередной индексации. Священнослужители и протоиереи стали получать оклады в размере 130 руб. в год, их вдовы – 65 руб. (вдовам, имевшим малолетних или больных детей, полагалось 90 руб.) [3, с. 272].

Дьяконам, отслужившим не менее 35 лет, пенсии были назначены лишь с 1 января 1880 г. в размере 65 руб. в год (вдовам – 40 руб., имевшим малолетних или больных детей – 50 руб. в год) [11, с. 60-61].

Таким образом, постепенно пенсионное обеспечение распространилось на священников и дьяконов. Псаломщики право на получение пенсионных окладов не имели. Как видно из приведенных цифр, размеры пособий не могли удовлетворить даже самым элементарным потребностям в жилье, одежде и пропитании. В 1902 г. был принят новый пенсионный устав, который несколько увеличил размеры пенсий для духовных лиц и предоставлял право псаломщикам претендовать на пенсию [21].

В условиях крайней неразвитости пенсионной системы, низких размеров вспомоществования в епархиях Православной Российской Церкви с середины XIX века все чаще раздавались призывы создать альтернативные пенсионные кассы – эмеритур, призванные оказывать помощь нуждающимся заштатным священно- и церковнослужителям и членам их семей. Сама по себе идея находила массу сторонников. Однако, как показывает история учреждения эмеритур в центрально-черноземных епархиях, открытие местных пенсионных касс затянулось. В Воронежской епархии эмеритальная касса начала функционировать с 1899 г. [10, с. 27], в Курской – с 1897 г. [17, д. 2153, л. 4], в Орловской – с 1896 г. [14, с. 1], в Тамбовской – с 1890 г. [4, с. 25]. Как видно, пенсионные кассы возникли достаточно поздно, в конце XIX века, несмотря на то, что предложения по их открытию раздавались с 1860-х годов. Задержка объясняется серьезными спорами, возникшими по поводу устройства эмеритур.

С наибольшей силой эмеритурные споры разгорелись среди духовенства Воронежской епархии. Клирики долго не могли прийти к компромиссу, многие предлагали собственные варианты уставов и положений пенсионной кассы. Священник села Дмитриевское Нижнедевицкого уезда М. К. Чуев посвятил отдельную статью [22] рассмотрению истории споров, возникших по поводу устройства пенсионной кассы. Автор с сожалением отмечал, что Воронежская епархия находилась в числе отстающих, а священно- и церковнослужители не решались проголосовать за предлагаемые проекты. Несмотря на полное понимание духовенством важности устройства эмеритальной кассы, вопрос не мог сдвинуться с мертвой точки более десяти лет, оставаясь, по выражению священника села Верхососенск Бирюченского уезда И. Владимирцева, «на точке колебания между холодом и теплом» [2, с. 973]. В период с 1866 г. по 1896 г. на страницах Воронежских епархиальных ведомостей было опубликовано свыше 40 статей, посвященных эмеритурной проблематике [15, с. 69].

Причины колебания крылись, в частности, в споре по поводу категории будущих пенсионеров. Духовенство разделилось, как писал Чуев, на «отцов-филантропов» и прочих клириков. Первые требовали, чтобы будущая эмеритальная касса охватывала всех бедных духовного звания, вдов и сирот, в независимости от того, платили ли их отцы и мужья взносы на формирование пенсионного капитала или нет. Другая часть воронежского духовенства не соглашалась с таким подходом, так как понимала, что в случае расплытия и без того незначительного пенсионного капитала на широкую категорию «всех нуждающихся» реальной становилась угроза значительного уменьшения пенсионных выплат. В таком случае эмеритур как благотворительное учреждение для поддержки заштатных клириков теряла смысл. По их мнению, на первоначальном этапе деньги следовало выплачивать лишь непосредственным участникам пенсионной операции, а в случае появления дополнительных источников можно было расширить категорию тех, кому следовало оказывать помощь [22, с. 964].

Наиболее дискуссионным вопросом являлась проблема источников формирования пенсионного капитала. За счет каких средств следовало пополнять фонд местных касс? Священнослужители выдвигали свои проекты организации пенсионных учреждений, публикуя их для обсуждения в церковной печати. Некоторые авторы предлагали обложить всех штатных клириков обязательным взносом в пользу будущего капитала кассы. Не все духовные лица были готовы пойти на это. Священнослужители, особенно бедных сельских приходов, считали каждую копейку. Несправедливым полагали другие взимать одинаковый процент с доходов бедных и богатых приходов. Состоятельное духовенство должно было облагаться большим налогом в пользу кассы, чем клирики малообеспеченных приходов. Священник Воронежской епархии И. Владимирцев выступал против данного подхода: «Малосостоятельное равно и несостоятельное духовенство епархиальное отнюдь не имеет права в устройстве у себя эмеритур возлагать розовые надежды на поддержку капитальных своих собраний, но... должно теснее сплотиться и всю душою примкнуть к тому именно проекту, который более отвечает нашим немощным силам» [2, с. 975].

В качестве вероятных способов пополнения пенсионного капитала рассматривались подушный сбор (священник вносит в эмеритур сумму, зависящую от количества прихожан в его приходе) и личные взносы участников эмеритур. В ходе дискуссии выяснилось, что первый вариант был сопряжен с целым рядом проблем. Во-первых, причты старались скрыть подлинное число своих прихожан, желая тем самым избежать увеличения штатов и, соответственно, уменьшения собственных доходов. Во-вторых, подушный сбор приводил к тому, что причты многочисленных приходов, вносившие в пользу пенсионной кассы значительные суммы,

могли претендовать на большие по размерам пенсионные выплаты, в отличие от клириков малочисленных церквей. Это привело бы к никому не нужной дифференциации духовенства и вызвало бы разногласия. Поэтому духовенство Центрального Черноземья считало необходимым идти по пути большинства эмеритальных касс других епархий, а именно – формировать капитал за счет строго определенных индивидуальных взносов с каждого участника. Воронежский священник М. Чуев был убежден в том, что «тогда какая-нибудь бедная деревушка уже не заплатит более самого богатого губернского прихода... возня с исповедными ведомостями будет устранена, самые занятия и обязанности управления можно упростить до минимума участия» [22, с. 968].

Среди духовенства Орловской епархии также возникали дискуссии по целому ряду вопросов, связанных с учреждением эмеритальной кассы. В проекте устава епархиальной эмеритур, составленном протоиереем А. Павловским и опубликованном в № 6 Орловских епархиальных ведомостей [16], говорилось о том, что членами кассы могли являться лишь лица, состоявшие на действительной службе. Священно- и церковнослужители полагали, что этот пункт требовал изменения. Получалось, что духовные лица, уволенные за штат по болезни, не имели возможность принять действительного участия в работе пенсионной кассы, а значит и претендовать на полноценное вспомоществование. «Но устав эмеритальной кассы не принимает этих людей, как будто они люди не одной с нами семьи, как будто они не должны заботиться о судьбе своих, быть может, многочисленных семейств», – сетовал на страницах Орловских епархиальных ведомостей С. П. Сомов [20, с. 756].

Полемика на страницах епархиальных ведомостей продолжалась и по целому ряду других вопросов на протяжении всей второй половины XIX века. Неспособность найти наиболее подходящие источники финансирования, отсутствие опыта участия в финансовых операциях, нежелание рисковать тормозили дело развития эмеритальных учреждений. Именно заштатные священнослужители и члены их семей являлись наименее защищенными в социальном и экономическом отношении. Несмотря на возникавшие противоречия и дискуссии, к началу XX века во всех епархиях Центрального Черноземья существовали эмеритальные кассы. Священнослужители вынуждены были уступать друг другу и находить точки соприкосновения в решении вопросов о создании собственных пенсионных капиталов, так как полноценный пенсионный устав для духовенства появился очень поздно (в 1902 г.). Однако в условиях отсутствия единодушия среди духовенства и достаточных материальных ресурсов епархиальные пенсионные кассы не могли оказывать реальной поддержки всем нуждавшимся вдовам, сиротам и заштатным клирикам.

Список источников

1. Белоногова Ю. И. Приходское духовенство Московской епархии и крестьянский мир в начале XX века. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2010. 175 с.
2. Владимирцев И., священник. Последнее слово об эмеритуре // Воронежские епархиальные ведомости. 1880. № 24. С. 973-994.
3. Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по Ведомству Православного исповедания за 1878 г. СПб.: Синодальная Типография, 1879. 401 с.
4. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / под ред. А. Е. Андриевского. Тамбов: Типо-литография Н. Бердоносова и Ф. Пригорина, 1911. 909 с.
5. Конюченко А. И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века: дисс. ... д.и.н. Челябинск, 2006. 507 с.
6. Кульчицкий А. В., Курцев А. Н. Пенсионное обеспечение российского духовенства в середине XIX столетия – 1917 г. // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 2. С. 181-187.
7. Лавицкая М. И. Орловское приходское духовенство второй половины XIX – начала XX в. М.: Прометей, 2009. 196 с.
8. Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М.: Новый хронограф, 2002. 253 с.
9. Мангилева А. В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. 477 с.
10. Никольский П. В. Справочная книга для духовенства Воронежской епархии на 1900 год. Воронеж: Типография В. И. Исаева, 1900. 223 с.
11. О Высочайшем соизволении на назначение с 1-го января 1880 г. пенсий дьяконам и их семействам // Воронежские епархиальные ведомости. 1880. № 7. С. 60-61.
12. О мерах к улучшению материального обеспечения православного сельского духовенства: по Высочайше учрежденному Присутствию по делам православного духовенства. СПб.: Синодальная типография, 1880. 37 с.
13. Об отдаче накопившейся типографской суммы в Заемный Банк, для обращения из процентов, и о составлении из оной капитала для раздачи пенсии духовным и светским лицам, в ведомстве Синода служащим // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. 23. № 17004. С. 286-287.
14. Отчет о движении дел и действиях Эмеритальной кассы духовенства Орловской епархии за 1902 год // Орловские епархиальные ведомости. 1903. № 29. С. 1-7.
15. Попов П., священник. К вопросу об эмеритуре // Воронежские епархиальные ведомости. 1897. № 2. С. 69-72.
16. Проект устава эмеритальной кассы духовенства Орловской епархии // Орловские епархиальные ведомости. 1882. № 6. С. 372-382.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442.
18. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 1.
19. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 3.
20. Сомов С. П. По поводу проекта устава эмеритальной кассы // Орловские епархиальные ведомости. 1882. № 12. С. 755-759.

21. Устав о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителям и псаломщикам епархиального ведомства // ПСЗРИ. СПб., 1904. Собрание III. Т. 22. Ч. 1. № 21564. С. 487-491.
22. Чуев М. К., свящ. Эмеритурный вопрос в нашей епархии // Воронежские епархиальные ведомости. 1880. № 24. С. 963-973.
23. Шавельский Г., прот. Русская Церковь пред революцией. М.: Артос-Медиа, 2005. 258 с.
24. Шадрин А. В. Приходское духовенство Донской и Новочеркасской епархии второй половины XIX века. Ростов-на-Дону: Антей, 2014. 364 с.

MERIT PENSION FUNDS ESTABLISHMENT IN THE CENTRAL BLACK EARTH REGION EPARCHIES IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY: HISTORICAL SURVEY

Ikonnikov Sergei Anatol'evich, Ph. D. in History
Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great
ikonnikovsergey88@mail.ru

The article considers the history of establishing merit pension funds for the clergy of the Central Black Earth region in the second half of the XIX century. Relying on published sources and archival materials the author examines the causes of contradictions among the clergymen on the issue of establishing merit pension funds and analyzes the basic approaches to the problem that were proposed by the clergy. The researcher concludes that the priesthood delayed the establishment of their own sources of financial assistance due to the lack of financial resources and experience in financial operations.

Key words and phrases: Orthodox Church; The Russian Empire; Central Black Earth region; parochial clergy; clergy's material status; pension provision.

УДК 93/94

Дата поступления рукописи: 11.05.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-6.6>

Статья посвящена становлению советской системы правосудия на территории Карачая и Черкесии в 1918-1926 гг. Обозначены основные этапы развития, выделены общие и специфические черты процесса формирования судебной власти в регионе. Особое внимание уделено сосуществованию государственной судебной системы и религиозного (мусульманского) судопроизводства. Дается представление о кадровом составе судебных органов Карачая и Черкесии. Прослеживается распределение учреждений юстиции на территории региона, отмечена зависимость от административно-территориальных преобразований. В работе затрагиваются взаимоотношения судебной системы и органов исполнительной власти.

Ключевые слова и фразы: Советская власть; Карачай; Черкесия; судебная система; горское население; шариатский суд; народный судья; революционный трибунал.

Каппушев Наурузби Борисбиевич

Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, г. Карачаевск
sbatcha@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В КАРАЧАЕ И ЧЕРКЕСИИ (1918-1926)

Приход к власти в России большевиков в октябре 1917 г. привел к практически полной трансформации государственного аппарата Российского государства. В числе первой подверглась демонтажу система судопроизводства, которая в условиях разгоравшейся Гражданской войны должна была стать мощным орудием в борьбе с политическими противниками советской власти. Неслучайно в течение года (ноябрь 1917 – ноябрь 1918 г.) центральными органами власти был принят ряд декретов (законов), которые регламентировали деятельность судов. Декрет СНК РСФСР от 24 ноября (5 декабря) 1917 г. № 1 «О суде», заложивший основу советской судебной системы, ликвидировал систему мировых судей, взамен которых были учреждены местные народные суды в составе одного постоянного судьи и двух заседателей, которые избирались населением (хотя чаще всего местными Советами). Наряду с этим декрет учреждал и чрезвычайные судебные органы – революционные трибуналы [19].

Второй декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О суде», принятый 15 февраля 1918 г., учреждал окружные народные суды, избиравшиеся городскими и уездными Советами. Они должны были рассматривать по первой инстанции дела, превышавшие подсудность местных судов, которая была обозначена в третьем декрете СНК от 7 марта 1918 г. «О суде». Согласно ему, местные суды могли рассматривать гражданские дела по искам до 10 тысяч рублей и уголовные дела с максимальным наказанием в виде лишения свободы сроком на пять лет [18].

Окончательное завершение (на период Гражданской войны) система судопроизводства Советской России получила согласно «Положению о народном суде РСФСР», которое было утверждено ВЦИК РСФСР 30 ноября 1918 г. По всей стране учреждалась единая система районных судов, к подсудности которых были отнесены все гражданские и уголовные дела, за исключением дел о контрреволюции и других опасных для советской